

ИГРЫ РАЗУМНЫХ

Татьяна Хмельницкая

ОСЬ ВРЕМЕНИ

Татьяна Хмельницкая

Ось времени. Игры разумных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273602

ISBN 9785447496838

Аннотация

На далекой планете обнаружен неизвестный науке источник инфракрасного излучения. Образец вещества находится на исследовательском корабле недалеко от Солнечной системы. Я отправилась с экспедицией, чтобы наблюдать за работой прибора, созданного мной для исследования явления. В подарок от возлюбленного я получила свой старый забытый Дневник, в котором полностью описывается все, что начинает происходить во время полета. Мало того, меня начали мучить видения, очень похожие на реальность. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	55
Часть вторая	62
Глава 4	62
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ось времени Игры разумных

Татьяна Хмельницкая

Корректор Юлия Вишневецкая

Дизайнер обложки Ольга Кандела

© Татьяна Хмельницкая, 2019

© Ольга Кандела, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-9683-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Этот мир не мой, но я его часть.

Июльский полуденный ветер обдал моё лицо и снова стих. Протянув руку к пульту управления для записи видео, я нажала на кнопку стирания записи и начала вновь:

– Я прожила долгую жизнь и...

Откровения не клеились. Наверное, потому что я не знала с чего начать и каким образом преподнести свой рассказ близким людям. Ещё подумают, что я в свои сто десять лет совсем умом тронулась, раз вываливается из меня чушь.

М-да. Чушь. Почему бы так и не начать? Это – чушь, но я хочу ею с вами поделиться.

Снова поднялся ветер. На сей раз, он обнял меня, обдав запахом гортензий и лилий, а затем унёсся следом за облаками по широким зелёным ладошкам листьев. Я расправила несуществующую складку на клетчатой юбке, которую одела сегодня утром, запахнула белоснежную шаль, брошенную на плечи. Это движение успокоило меня, и я снова вернулась к записи:

– Дорогие мои, сейчас вы услышите полную чушь, в которую и верить-то не стоит, но прошу меня выслушать. Это важно не для вас – для меня. Впервые за долгие годы я решила рассказать правду, какой бы дикой она вам не показалась.

Я немного помолчала, взвешивая произнесённые мной

фразы. Как не крути, получалось пафосно, но откровенно.

– Заинтриговала вас? Навела тень на плетень? Тем проще вам будет поверить моим словам: ведь вот уже целый год, как с этой темы снят гриф: «*секретно*». Да, я не простая штучка, хотя мою жизнь можно разложить на три части, что я и сделаю чуть позже. В первой части ничего примечательного вы не услышите – так, галопом проскочила, а я и не заметила. И по моему разумению, можно было бы перейти сразу ко второй, но...

Я снова замолчала, рассматривая томящийся от зноя сад из своего укрытия – беседки. Сама не понимала себя: для чего тянула время? Следовало, быстрее перейти к изложению, но беда состояла в том, что именно с этим оказалось вышла проблема.

Была – не была: продолжу!

– Знаете, оглядываясь назад, я поняла одну важную вещь – не правильно спешить жить, даже если тебе предоставлен новый шанс. А я спешила, гнала время, потому и пропустила тот момент, когда следовало просто оглянуться по сторонам. Я профукала шанс, даримый мне самой судьбой, но она же наградила меня необычной историей, через которую я прошла. Итак, первая часть... Мало что могла бы вспомнить из тех лет. Всё вокруг меня происходило сумбурно и напряжённо, но удивительным образом стабильно. Особенно и вспомнить-то нечего.

Поправив выбившуюся из причёски седую прядь, я глу-

боко вздохнула. Мне было тяжело признавать собственные промахи.

– Представьте себе увлечённого человека забывающего обо всём. Я горела на работе, отмечая про себя заслуги других, оттачивая себя и свою ограниченность. В чём? Наберитесь терпения, мои дорогие, я начинаю, а вы уж не будьте так строги ко мне, если услышите сокращённый вариант моего существования, закончившийся ровно в тот день, когда я впервые оказалась в космосе.

Немного помолчала, подбирая следующие фразы.

– Я поняла, с чего следовало начать. Представьте себе неяркое освещение каюты позволяющее расслабиться. Космическое исследовательское судно проплывало в тишине вакуума мимо глыб, летящих в противоположном направлении. Вздохнув, я прошла к постели, взяла Дневник и потрогала его обложку. Шершавая. Совсем непохожая на ту, что мне изначально понравилась. В магазине приглянулась та, что в глянцевом переплёте с красивым пейзажем. Но потом я изменила решение и взяла вот эту – с космическим кораблём. Может это был знак свыше?

Я улыбнулась собственным воспоминаниям:

– Подойдя к койке, плюхнулась на неё спиной, прижав к груди заветную тетрадь – мой школьный дневник. Не будь его, я бы сейчас занималась наукой, и другие события потекли бы иначе. Кто знает...

Часть первая

Глава 1

Однажды я увидела девушку, как две капли воды похожую на меня. Она переходила улицу в неполюженном месте, и я обратила на нее внимание. Робот-полицейский остановил незнакомку, чтобы выдать справку о нарушении. Девушка была точной копией меня, вплоть до треснувшего каблук ботинка. Она слушала робота, глядя не на него, а на магазинчик с названием «Реплика». Шатенка получила справку и заспешила внутрь, а я последовала за ней, перейдя улицу по тому же самому пути. Робот и меня остановил, а я боялась выпустить незнакомку из вида. Получив справку, вошла в магазинчик и поискала взглядом девушку. Увы, не нашла, зато купила тетрадь и ручку. Не знаю, зачем я это сделала, но принесся поупку домой, убрала на дальнюю полку в гардеробной.

Через полгода довелось приступить к учебе в школе-интернате для углубленного изучения отдельных предметов. В частности, меня интересовало всё, что связано с роботостроением. Именно эта любовь к науке заставила обратить внимание на меня одного из членов отборочной комиссии. Ему попалась схема придуманного мною аппарата. Я про это

ничего не знала, и потому была крайне удивлена, что пришел вызов в середине учебного года.

Отец долго сопротивлялся решению, не хотел, чтобы я уезжала из дома. Зима, новый год... Но маме удалось его уговорить. После дня рождения, который отметили незадолго до боя Курантов, и после поздравлений с пятнадцатилетием отбыла по назначению. Так я и оказалась в заведении за высоким забором и с кучей умников ничем не уступающих мне.

Разбирая вещи в отведенной для меня комнате, наткнулась на тетрадь с космическим кораблём на обложке. Я тогда сильно удивилась, что взяла её, но убрав на полку в шкафу, тут же забыла о ней.

С Марком Светловым мы познакомились на одной из лекций. Сели рядом, улыбнулись друг другу. Он был старше меня, выпускник. Светлые волосы, голубые глаза и мягкая искренняя улыбка Марка покорили моё воображение не меньше Теории относительности Эйнштейна. Марк проникся ответной симпатией, и мы стали общаться.

Специализация, выбранная Марком – математика, нравилась и мне. Я любила обсуждать с ним знакомые теории. Горела рядом, плавилась от удовольствия, когда его взгляд замирал на моих губах во время очередного спора. Конечно, модель дальнейшего развития событий просчитана еще задолго до нашего рождения. Мы не стали прогрессивной парой, втоптавшей в небытие человеческие отношения, идущей собственным путём. Однажды зимним вечером случил-

ся поцелуй, что вполне логично.

Мы находились в моей комнате и разговаривали о новом задании, что поручили нам профессора. Форточка была открыта и ветер, что влетал в помещение, слегка шевелил отросшие волосы Марка. Я куталась в теплую кофту и любовалась парнем.

Неожиданно он подался вперед и его губы накрыли мои. Я обняла его и прижалась всем телом. Тогда же и произошел мой первый сексуальный опыт.

До окончания им интерната и до его поступления в университет мы встречались, планировали оставаться вместе и двигаться по жизни рука об руку. Но кое-что произошло, и об этом я узнала последней.

Майский вечер плакал мелким дождем, отчего погода за окном казалась мерзкой. Несколько предшествовавших солнечных дней вселяли надежду на скорое наступление лета. И вот всё пошло насмарку. Я сидела за столом возле окна в своей комнате и билась над очередным доказательством теоремы. Расчет не выстраивался, и я то и дело отвлекалась на бисеринки дождинок на стекле.

Дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился Марк. Он вымок до нитки. С волос и одежды капала вода. Взглянув на него, я улыбнулась, подбежала, повисла на шее и принялась целовать. Сердце бешено колотилось, но не от любовной агонии. Это было предчувствие, которое пыталась заглушить привычной лаской. Возможно, я просто

хотела оттянуть время и узнать о предстоящих переменах позже, насколько это возможно.

Марк гладил моё тело, неистово и страстно целовал, а потом подхватил на руки, отнёс на кровать. Он быстро стянул с себя свитер лег на меня сверху. Я задыхалась от страсти, целовала его шею, покусывала ухо.

– Я люблю тебя, – прошептал Марк, а я остановилась и посмотрела на него. – Я люблю тебя, но хочу, чтобы ты не зацикливалась на этом.

– Как же так... Я... Я тоже люблю тебя.

Слова дались легко, и я поцеловала его в губы, но Марк очень быстро отстранился, прошептал:

– У меня есть теперь работа, и нам нужно расстаться.

Казалось, меня облили холодной водой. Я вгляделась в лицо любимого и спросила:

– Это разве логично?

– Не всё поддается логике. Я люблю тебя, и нам нужно расстаться. Моя будущая работа не предполагает любовных приключений. Прости. Мне лучше уйти.

– Но где такая работа?

– С завтрашнего дня я на службе у государства. Конкретнее – федеральная служба.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями.

Контракт с государством... Как это произошло? Почему он раньше не говорил, что собирался работать на ФСБ.

– Но...

Я не договорила, Марк перебил меня:

— Запомни одно, любимая, старайся быть менее талантливой. Гениальность – страшный враг для спокойной жизни.

— Как?

Вопрос прозвучал усечено и глупо, но это всё, на что хватило моих сил. Конечно, я хотела понять, почему на него обратили внимание.

— Моя курсовая работа произвела впечатление не только на профессоров нашего интерната. Множественность, математические выкладки... Помнишь? Оказывается, это интересно правительству.

— Да-а, — только и смогла выдохнуть я.

Мы любили друг друга в ту ночь, стараясь насладиться отпущенным нам временем. Под утро Марк ушел, и увидеться мы смогли только на прощальной пирушке. Ребята подтрунивали над нами, а мы словно слиплись и не могли оторваться, зная наперед, что это последний день, когда мы вместе.

Через три месяца мне пришло электронное письмо от родителей Марка, в котором говорилось о его смерти. Подробности не сообщались, но в конце стояла приписка: *«В последнем своем письме наш сын просил вас напомнить о вашем последнем разговоре»*.

Именно в тот день я сделала в Дневнике первую запись. Я рассказывала о Максиме Король и Юлии Снеговой. Отчего-то не оставила для вымышленного человека имени моей первой любви. Мало того, я полностью описала другого, аб-

солютно непохожего на Марка парня. Но моё спасение было в том, что я совершенно не помнила об этом.

Однажды вечером меня разбудил мужчина в форменной одежде медицинской службы. Помню, я открыла глаза и спросила:

— Вы кто такой?

— Врач, — спокойно отозвался гость. — Пришел по вызову.

Он был среднего роста, с буйной седовласой шевелюрой и мясистым носом, на котором красовались огромные очки.

— Мне не нужен врач, — сев в постели, бросила я.

Голова раскалывалась, а глаза болели так, словно песком забросали. Я потеряла их, но это не помогло. Кожу лица щипало, когда я потеряла её ладонями.

Мужчина ничего не ответил, достал небольшой планшет из кармана, включил его на видеозапись, отдал мне. На экране я увидела девушку с грязными растрепанными волосами, покрасневшими глазами, бледным лицом. Она склонилась над столом и что-то писала в тетрадь. Я узнала себя, но не могла поверить в то, что я так выглядела.

Запись была сделана сбоку, и не заметить, что снимали, в теории было крайне трудно. Ужас! Ничего такого не помнила.

Камера приблизила моё лицо. Губы искусаны, на скуле кровоподтёк. Я не реагировала, даже когда обошли стол, за которым я сидела, и фронтально приблизили камеру к са-

мому лицу. Я выглядела сумасшедшей, погруженной в себя, отрешенной от этого мира.

— Кто меня так? — указав на синяк на скуле, спросила я.

— Комендант, — пояснил мужчина, принимая из моих рук планшет и пряча его в кармане.

— За что?

— Как раз для разъяснений я и пришел. Меня зовут Сергеем Яновичем.

Мы долго беседовали с ним, а точнее, говорил он, а мне оставалось слушать. Оказывается я не выходила из комнаты довольно долго. Комендант общежития, мужчина средних лет с большой лысиной на голове, пытался говорить со мной, но я писала дневник, не обращая ни на кого внимания.

Только после того, как у меня попробовали забрать тетрадь, я проявила агрессию. Вскочила и бросилась на коменданта. Я попыталась вонзить стержень ручки ему в шею. Он успел перехватить руку и заломить ее мне за спину. Я согнулась, вскрикнув от боли, а потом стала кричать на него.

— Не прерывай меня, иначе не успею. Я должна написать это. У меня не так много времени. Вы все придурки. Я должна закончить! Еще день! У меня есть только день. Я смогу потом найти его. Я не потеряю, он будет здесь, в строчках, написанных мной...

Комендант отпустил меня, и я бросилась к столу, продолжила писать в тетради. Мужчина закрыл меня снаружи, написал рапорт и пригласили врача-психиатра.

— Что вы писали? — спросил доктор.

— Я не помню, — честно созналась я. — Мне кажется, я спала, и всё это слышать от вас крайне странно.

Я подошла к столу. На нем лежала тетрадь. Я полистала её, заглянула в конец и прочла:

«План в голове созрел моментально. Я вытащила иглу капельницы и поднялась с постели. Подойдя к окну, распахнула его и забралась на подоконник.

Ночь была прекрасна. Звезды осыпали чёрный полог небосклона, как брильянтовая крошка, и сверкали. Я очень любила это время года, середину августа. Могла наблюдать такую россыпь ежегодно, и она не переставала меня радовать. Эх, как же умирать не охота в такую красивую ночь!

Я сделала шажок.

«Сейчас всё кончится, — подбадривала я себя. — Много времени это не займет. Упасть с десятого этажа и остаться в живых — это нонсенс. Мне не будет больно. Только шажок, а там вступят в исполнение приговора законы физики».

— Я сделаю это сразу после тебя, — услышала я голос сзади.

Вздрагнула и обернулась.

Максим.

Он стоял в дверях и смотрел на меня решительным взглядом.

— Не смей, выйди, — бросила я.

— Почему? — приближаясь ко мне, спросил Король. — Мне жить тогда станет незачем.

— Нет, ты не должен... Я... Я не хочу в психушку и не хочу мешать тебе. Ты... жалеешь меня и я... я... не могу.

— Ты не права. Я тебя не жалею, я тебя люблю. И если ты слезешь с этого подоконника, обещаю, что ты пожалеешь о своем решении покончить с жизнью. Ты нужна мне, и ты вовсе не больна. Я объясню, если захочешь.

— Но у меня проблемы с головой, — шмыгнула носом я.

— Нет у тебя проблем и, если ты хорошенько подумаешь и вспомнишь все, что было с нами, то поймешь это. А я помогу. Слезай, пожалей мою жизнь, пожалуйста».

Почерк мой, но я не помнила, как написала всё это. Похоже, смерть Марка вызвала помутнение рассудка. С Дневником в руках, я повернулась к врачу и спросила:

— Разве человек может в шоковом состоянии или в состоянии тихого помешательства написать нечто подобное? Это вполне полноценный рассказ о любви двух людей.

— Это мне как раз и любопытно, — произнес доктор. — Случаются временные помешательства, и от этого никто не застрахован, но... я читал дневник, пока вы спали. Там совершенно понятный и стройный текст. Когда вы это создавали, то осознавали, что делаете. С вашим нападением на коменданта это никак не вяжется.

— И что теперь?

— Для начала, мы с вами поработаем. Попробуем разо-

браться.

— Доктор, но я не помню, как писала это. Вы понимаете? Как это можно объяснить?

— В мире много необъяснимого, — улыбнулся врач, снял и снова одел очки. — Назовем это провалом в памяти, чтобы потом никто не приклеил вам ярлык. Но помощь вам требуется.

В конце разговора он прописал мне пилюли и предложил полежать недолго в больнице. Я согласилась, и это стало отправной точкой для моей новой жизни без Марка.

После выписки я отправилась на неделю к родителям. Тихий провинциальный городок встретил меня осенними прохладными сумерками. Я сошла с хирта, который наняла специально для полета домой, и натянула легкую куртку.

Высадиться могла у самого дома, там достаточно места для габаритного транспорта, но я решила прогуляться по родным улицам. Не знаю, откуда вдруг возникла эта тяга, никогда не вспоминала городишко, пока училась в интернате.

Расплатившись с водителем наличными, я закинула на плечо ляжку небольшого рюкзака и пошла в сторону центра. Всего в паре домов от него, располагался дом моих родителей.

Идя пустынными улочками, я вглядывалась в темные силуэты домов, едва подсвеченные уличными фонарями. Мне захотелось увидеть родителей. Я прихватила с собой руко-

пись, тот самый залог странного срыва, что приключился со мной. Мне казалось, если тетрадь отправится на свое место в гардероб, в самый дальний угол, то в моей жизни всё наладится.

Я постучала в дверь родного дома и дождалась, пока система безопасности отсканирует сетчатку глаза. Когда дверь распахнулась, и я переступила порог, то увидела спускающуюся по лестнице со второго этажа маму. Она была растрепана и на бегу запахивала халат. В ее глазах сияла радость и слёзы. Следом за ней из родительской спальни выбежал отец. Мама кинулась ко мне на шею и крепко обняла. Вскоре, к нам присоединился папа.

Мы так и стояли в небольшом холле, заставленном старыми вещами, и боялись разомкнуть объятия. Но сделать это пришлось, и мама проводила меня на кухню, усадила за стол и стала хлопотать. Я любовалась ею. Она всё также хороша, грациозна, пусть и предстала передо мной после сна. Карие глаза, прямой нос, приятный овал лица, волосы с рыжинкой. Я похожа на нее внешне, только мне никогда не удастся стать заботливой женой и любящей матерью.

— Твоя комната готова и ждет тебя, – улыбнулась мама и поставила чашку с чаем на стол передо мной.

Папа сел рядом и обнял меня за плечи. Взгляд озабоченный, испуганный. Короткие пепельные волосы стояли дыбом после сна, а пухлые губы плотно сжаты. Я невольно улыбнулась ему. И дело вовсе не в том, что я хотела разрядить на-

пряжение, возникшее между нами, а затем, что знала, почему он так вел себя. Наверное, боялся спросить что-то лишнее.

В этом мои родные – все расспросы потом. М-да... Мне повезло, но объяснить придется. О проблемах со здоровьем учеников сразу сообщали их родителям. Так требовалось по закону. Вероятно, и та запись, что показал мне психиатр, предназначалась для них.

Я выпила чай, съела пару печенюшек из вазочки, что поставила на стол мама, и отправилась спать. Усталость вдруг навалилась на меня, и я не смогла бы сказать ни одного слова. Все вопросы решила оставить на потом. Предстояло объясняться на болезненную для меня тему. Рана в сердце была открыта и кровоточила, и требовались силы, чтобы обнажить ее перед близкими.

Моя комната осталась такой же милой. Простота и уют исходил от каждого предмета в ней, и это виделось счастьем. Я почувствовала себя воином, вернувшимся домой из похода, где его любили и ждали.

Спала я на удивление хорошо, и когда спустилась на кухню, часы показывали полдень. Мама накормила меня завтраком и сообщила, что отец уехал на работу. Она осторожно попыталась узнать, почему приехала, и призналась, что была в курсе моего психологического срыва.

— Мам, я тут кое-что хочу оставить, — улыбнулась я. — Ничего особенного, просто тетрадка с моими мыслями. Точ-

нее... Это то, что я писала во время помешательства... Мне было очень плохо. Не отдавай ее никому... Никому, кроме парня, что однажды за ней приедет.

— Хорошо, дочка, — вздохнула мама, подошла и крепко обняла, поцеловала в макушку.

Объяснение вышло вполне логичным. Не желала, чтобы что-то напоминало о возникших у меня проблемах. Кому приятно наткаться на подтверждение бессилия, боли, переживаний? Уверена, мама так и решила. Её взгляд ласкал моё лицо, а я наслаждалась этим. Мама пыталась отыскать следы переживаний, что привели меня к помешательству, чтобы не спрашивать и тем самым не ранить еще сильнее. Ей хотелось догадаться самой. Надо ей помочь.

— Мам, всё в порядке, — попробовала улыбнуться я, но на глазах выступили предательские слёзы.

— Ш-ш-ш, моя милая, всё хорошо.

Я уткнулась лбом в мамино плечо. Родительница обняла меня одной рукой, а второй стала гладить по голове. Этот жест был такой знакомый, такой родной, что я заревела в полную силу. Когда успокоилась, решила объяснить:

— Я встретила молодого человека в интернате, — вертя кружку с остывшим чаем в руках сказала я. — Мы полюбили друг друга, хотели быть вместе. Он устроился на работу и... погиб.

— Девочка моя, — прошептала мама и снова притянула к себе.

Она гладила меня по спине, как в детстве, и шептала на ушко ласковые слова. Я чувствовала себя защищенной в её руках, хотелось бросить всё и остаться в родительском доме. Но я понимала, что сойду с ума от тоски по Марку. А интернат давал возможность погрузиться в мечту, заниматься любимым делом. Я должна вернуться.

Дома я пробыла почти неделю. Мне удалось прочитать собственную писанину, и она меня удивила. Более рассудочного текста трудно себе представить. Странно, что я не помнила произошедшего со мной. Но, вероятно, это и стало тем самым странным состоянием, которое именовали шоком.

Каникулы пошли на пользу, и когда я вернулась в интернат, погрузилась полностью в учебу. Признаться честно, огромное количество свалившейся в те дни на меня работы стало лекарством.

Психиатр навещал меня примерно год, а потом перестал это делать. Он написал рапорт о стабильности моего душевного здоровья и отдал руководству. Напоследок между нами состоялся необычный разговор. Мужчина пожелал мне однажды продолжить литературные бдения.

— Так проще решать проблемы, когда говоришь о них кому-то или записываешь.

— Почему? — удивилась я.

— Пока ты пытаешься донести свои мысли до невидимого собеседника, выразить их, наиболее точно подобрав слова, ты найдешь решение и обрешь покой.

— Значит, не зря тогда я писала в тетради?

— Это спасло тебя от помешательства, — улыбнулся доктор. — Заведи особое правило, делай записи. Все будет в полном порядке.

Дневник продолжать я не стала и предпочла при случае сойти с ума. Горе пережить слишком тяжело. Так зачем возвращаться в этот мир, к его уродливости, пустоте, неадекватности, если собственный, рожденный воспаленным мозгом, куда интереснее? Но вслух я этого никогда не произносила, на всякий случай.

Я закончила интернат досрочно. Такому положению дел способствовало желание общаться только с книгами, цифрами, расчетами. Но я не чувствовала себя одинокой, скорее просто забыла, что когда-то таковой не была.

Передо мной открылась перспектива поступления на интересующий меня факультет роботостроения в университет. Про мои успехи профессора оказались наслышаны. Меня не мучили на экзаменах, а зачислили на курс сразу. Но и тут сработало правило погружения в учебу и полное игнорирование бытовых проблем. Я переходила с курса на курс, показывая хорошие результаты и стремясь к цели, что вдруг возникла в моей голове. Хотела попасть в тот же эшелон федеральной службы, что и Марк. Мне казалось, я буду ближе к нему. Глупая идея гоняться за призраками, но мне она нравилась.

Мне исполнилось двадцать шесть, и я преподавала в уни-

верситете. Ко мне на курс определили новичка. На дворе стоял ноябрь, а парня направили в сформировавшуюся группу. План занятий расписан, я проводила подготовку студентов к предстоящим лабораторным испытаниям, и тут вдруг навязали ученика. Пошла разбираться к руководству.

Пока топала по коридорам университета, обдумывала с чего начать разговор. Внутри разгоралась ярость и, открывая дверь кабинета, готова была ринуться в бой.

– О! Юлия, – приветливо улыбнулся ректор, вставая из кресла. — Вас уже пригласили? Оперативно.

– Я пришла сама, Геннадий Львович, и хочу поговорить.

Ректор, пожилой мужчина с благородной сединой в волосах, приблизился ко мне и, аккуратно взяв за локоток, ввел в комнату. Я отпустила ручку двери, последовала за руководителем.

– Юлия, я хотел вас видеть по важному делу, – начал ученый. – Но сначала разрешите представить вам Ила Брайтона.

Ректор указал рукой в угол кабинета. В кресле сидел мужчина. Я не заметила его сразу, эмоции били через край. Незнакомец поднялся и подошел к нам. Пегие волосы, небольшого размера глаза, худощавое лицо с выступающими скулами. Не понравился он мне с первого взгляда.

– Рад знакомству, – улыбнулся Ил и протянул руку.

Пришлось пожать сухую ладонь и ответить стандартным приветствием.

– Присаживайтесь, Юлия, – предложил ректор, и я про-

шла к столу, который использовался для переговоров.

Мужчины уселись напротив, что немного обескуражило. Ректор давал понять, что он за всякую идею, предложенную Брайтоном, и мне предстояло выслушать и согласиться. Вероятно, ассигнования настолько велики, что руководитель не смел перечить и был намерен взять в разработку любые проекты.

Так часто случалось. Частные компании, государственные – не имело значения, со всеми университет расположен сотрудничать. Главное – оплата. Хотя на эти деньги ректор проводил конкурсы среди подростков и приглашал обучаться талантливых ребят на бесплатной основе.

Наступать на горло собственному «Я» всем трудно, и я не исключение. Чувствовала, что придется забросить опыты и расчеты и заниматься заказом. Едва не скрипнула зубами от такого положения дел. Мне осталось лишь сохранять хладнокровие, пока будут излагать принятые решения.

– Юлия... Разрешите вас так называть? – начал Ил, а я кивнула.

– Так вот, Юлия, я ознакомился с вашими работами по применению энергии тел, и мне ваша точка зрения симпатична.

Не могла смотреть ему в глаза, неприятный тип. Ощущение, что видишь не себя в отражении его радужек, а жертву. Дело не в личной хищности Брайтона, или в представлении его таким, а в безнадежности, что должна возникнуть в душе

после того, как он выскажется.

Я отвела взор от мужчины и сосредоточилась на рассмотрении уже знакомого интерьерера кабинета. Столько раз в нем бывала, что знала наизусть. Причем в течение многих лет вещи в нем не менялись и занимали определенные места. Побываешь в этой комнате и поверишь, что есть в мире нечто постоянное.

Ректор весьма педантичен, и его раздражала любая перестановка. Он никому не позволял нарушать порядок, даже роботам-уборщикам. Если говорят, что твой кабинет – это твой внутренний мир, то руководителю университета следовало позавидовать. Такая упорядоченность и простота – редкость в наше время.

Мой взгляд скользил по гладким стенам бежевого цвета, картинам в рамках шоколадного оттенка. Лет тридцать назад снова вошли в моду оригинальные снимки, напечатанные на коритовой бумаге. Их вешали в домах и офисах на всеобщее обозрение. Состав корита помогал передавать подлинность цвета вещей, запечатленных на фотографиях. Такое своеобразное окно в застывший мир.

В случае с ректором, его мир замер во время песчаной бури. Песчинки роились, группировались, создавая разно-колерную массу. Необычные переходы цвета от буро-серой крошки, увеличенной многократно, до, будто вытканых, тончайших полотен желто-серых и буро-красных тонов.

В углу притулился робот-помощник, а возле окна стоял

огромный прозрачный стол с массивным креслом возле него. Большая сторона стола загнута вверх и на ней отражался список текущих задач ректора. Читать слева направо затруднительно, но я смогла: «Сирена. Брайтон. Двенадцать часов». В углу загиба была изображена синусоида и мелкие формулы вокруг нее. Вероятно, ректор работал над чем-то, когда пришел Брайтон, или Ил демонстрировал что-то, рассказывая о предстоящем заказе.

– Спасибо, – положив руку на прозрачный стол для переговоров, произнесла я.

– Я представляю Федеральную службу, отдел по космическим разработкам. Кратко расскажу, чем занимается мой отдел, и потом перейду к сути моего предложения вам.

– Значит, будет предложение? – едва сдержала ухмылку на лице.

– Конечно, – простодушно улыбнулся Брайтон. – Так я продолжу? Нам удалось зафиксировать устойчивый сигнал с одной из планет в дальнем секторе. Снарядили робота и зонд для проверки сигнала, сбора данных. Я передам вам все измерения, собранные за всё время, для ознакомления.

– Зачем? – удивилась я. – Не имею отношение к космосу и...

– Дослушайте, – перебил меня Ил. – Робот в течение долгих лет передавал измерения и продолжает это делать. На планете обнаружено отчетливое излучение инфракрасной энергии. Спектр его не соответствует существующим

на Земле материалам. Оно необычного свойства и представляет интерес для науки. Не буду скрывать, что поначалу направление наших исследований лежало в узкой области. Оборонная промышленность требует новых разработок. Данные, передаваемые роботом и зондом, устраивают по многим узкоспециализированным моментам. К тому же, были обнаружены некоторые ископаемые, превосходящие земные по характеристикам применения. Их использование будет требовать меньше затрат и повысит коэффициент полезного действия. Но устойчивые показатели излучения интересны куда больше инопланетной руды. Я знаком с вашими разработками и хочу предложить вам создать прибор для исследования инфракрасного излучения.

– Вы хотите, чтобы я полетела на неисследованную планету?

– Не совсем так. Нам удалось собрать образцы и переправить ближе к Солнечной системе. К сожалению, завести на орбиту Земли не представляется возможным по соображениям безопасности. Мы предполагаем, что лучше заняться исследованием в космосе. Пока решили подготовить военных, что отправятся с экспедицией в составе группы ученых. Они должны понимать, с чем имеют дело, разбираться на хорошем уровне в обстановке. Все собранные приборами данные будут передаваться на Землю для обработки. Последним, предположительно, займетесь вы и еще несколько ученых, чьи разработки и соображения лежат в той же плос-

кости, что и ваши.

– Вояки не должны будут навредить, а заодно и начнут шпионить за учеными, – закончила за Брайтона я.

– Космос и планеты дилетантов не признают, – задумчиво произнес Ил. – Нужно, чтобы люди, которые однажды высадутся на той планете, были подготовлены, могли защитить интересы государства и спасти жизни исследователям.

Мне нечего было ответить. В университете много грамотных специалистов, но именно мои расчеты заинтересовали. Можно сказать, удастся совместить приятное с полезным и заняться собственными изысканиями за государственный счет. Такой шанс выпадал раз в жизни, стало быть, мне повезло. К тому же, разрешалось привлекать специалистов и обучать лаборантов. Смущало, что предстоит натаскивать военных, но игра стоила свеч.

Я посмотрела на ректора, и тот отвел взгляд. Что-то тут не так. Ему так неприятно, что придется этим заниматься, или на то имелись другие причины? В любом случае, мне все равно, что нравилось или не нравилось руководителю, ядро – мои разработки, а они востребованы.

– Хорошо. Когда смогу познакомиться с теми, кто начнет подготовку к экспедиции?

Ил вышел из кабинета, а затем вернулся с молодым солдатом. На вид не больше двадцати.

– Знакомьтесь, Юлия, ваш новый студент — Максим Король.

Брайтон сделал мне подарок, который не просила, но, не буду лукавить, надеялась однажды получить. Мой труд заметили, он перешел из разряда гипотетических теорий на уровень практики, и это большое достижение для меня как для ученого.

Спустя год я вплотную сотрудничала с отделом Ила и проводила в нем больше времени, чем дома или университете. В течение пары лет Брайтон подсылал ко мне на курс новых солдат, и я обучала их. На третий год при отделе открыли лабораторию, которую я возглавила и привлекла к работе в ней семерых студентов, включая Максима.

С Максимом Королем, студентом-воякой, я стала встречаться, или как говорят: крутить любовь, от случая к случаю. Не планировала ничего серьезного. Я горела наукой, жила своими опытами, находками, новыми возможностями, часть из которых заслуга Ила Брайтона.

Брайтон почти сразу, как начала работать с ним, намекнул, что возглавлю лабораторию в одном из научных федеральных Центров. Тогда мне казалось, мечта сбылась, и я смогу заниматься наукой, подготовила список ученых, которых желала видеть в своей команде. Но тут Брайтон показал, кто на самом деле будет заведовать лабораторией, и набрал в команду людей по своему разумению. Пришлось согласиться, куда мне деваться, ведь ради науки можно и потерпеть. Вот тогда и началась череда томных взглядов со стороны Максима и приглашений отужинать.

Глава 2

Признаться, ухаживать Максим умел. Делал это со вкусом, выдумкой и оптимизмом. Я долго уклонялась от его внимания, но, как и всем женщинам, мне банально захотелось быть кому-то интересной. К тому же, физиологические потребности организма никто не отменял, и я позволила Максиму стать моим любовником.

Преподавательскую деятельность я бросать не собиралась, вдобавок ко всему это совпадало с распоряжением Брайтона. Он подсовывал ко мне на курс солдат посмышленнее, а я обучала их науке. Всем было хорошо, а уж мне и подавно.

Почти сразу Брайтон познакомил меня с Сироповым Александром и Михаилом Зигом. Они входили в состав группы занимающейся отдельным проектом. Он назывался «Ковчег». Всё, что было о нем известно – реализация возможностей колонизации дальних планет. Это укладывалось в те сведения, что я получила от федерала при первой встрече, потому не удивлялась, что запрета на общение с Мишей и Сироповым не последовало.

С ребятами мы быстро сошлись во взглядах. К тому же, занимались разными направлениями федеральной научной программы и не зависели друг от друга, не конкурировали. Для дружеских отношений вполне хватало.

У Мишки дела обстояли с самого начала не слишком хорошо. Он часто ворчал, а когда не ворчал, то сыпал злыми остротами. Зиг хотел создавать жизнь и возрождать ее многократно. Пересадку органов, костей, других частей тела, востребованные в нашем мире, не ставил ни в грош. Ему хотелось научиться воссоздавать человека.

Мы однажды с ним выпивали в комнате для отдыха. Хотелось расслабиться после трудного эксперимента. Над ним я трудилась последние полгода и, наконец, он удался, но вместо радости на меня навалилась усталость.

Максим хотел пригласить меня на романтический ужин, а я отказалась, предпочтя напиток с Мишкой в небольшой богом забытой комнатухе, которую мы называли комнатой отдыха. Вот тогда и объяснил Зиг, чего хочет от человеческой жизни, а я расхохоталась, ведь желала он слишком многого, точнее всё. Но мне тоже свойственно хотеть обнять весь мир и подчинить себе, потому понимала Мишку.

Речь шла о клонах и возможности их сделать полноценными людьми.

– И как же ты желаешь заставить клона думать, как оригинал? – стараясь не расхохотаться, спросила я.

Мишке на момент знакомства исполнилось тридцать пять. Атлетическое телосложение, густая шевелюра и утонченные, аристократичные черты лица. Не было бы у меня отношений с Максом, вполне могла бы серьезно увлечься Мишкой. Хотя нет, пожалуй, не смогла бы. В облике меди-

ка читалась вальяжность и медлительность, что я категорически не принимала. Но другом Мишка оказался хорошим.

– Зря смеешься, – отмахнулся Мишка. – Всё за нас уже давно придумано, и эта функция включена в наш базовый комплект.

– Базовый комплект, значит... У людей есть базовый комплект... Ну, конечно! О, этому столикую больше не наливать.

– Нет, правда. Даже придумывать ничего не надо. Как сказано: *«по образу и подобию»* нас сотворили. Так вот, за это спасибо тому, кто это сделал. Мало того, он еще нас и снабдил расходным материалом, который мы получаем при рождении. Создатели продумали даже утилизацию после старения и изнашивания. Всё на благо планеты.

– Стволовые клетки, – сообразила я. – Давно открыты и широко применяются.

– Да, и именно их структуру я и хочу понять и научиться воссоздавать с абсолютной точностью. Представь себе искусственный материал, который никогда не закончится. Его можно поставить на поток, вырабатывать, производить, усовершенствовать. Мне кажется, именно для этого мы живем, чтобы понять и оценить, что дано нам при создании. Сколько учёные не бились, а этот вопрос стоит остро на протяжении ста лет, раскусить формулу этого вида органики не смогли. Не удастся. Только краткие моменты и не более. Самое важное – переложить этот процесс на формулы, создать нужные биологические вещества, суметь поставить это на поток. Мы

незаконченный вариант человека, неусовершенствованный. В нашей силе постичь самих себя и суметь улучшить. Я давно интересуюсь Евгеникой, в этом путь для наших потомков.

– Ты напился, Мишка, и несешь бред. К чему во все эти разговоры про клетки Библию приплёл?

– Бред... – задумчиво произнес друг. – Бред недооценивать того, кто сделал нам такой подарок. А еще больший бред, сомневаться в людях, ведь тот, кто нас однажды создал, не сомневался в нас, а верил. Всё оттуда, и древние, кто писал эти книги, которые в наш просвещенный век никому не нужны, знали истину. А мы, современные напыщенные идиоты, так горды собой, что забываем оглядываться назад и не задумываемся, зачем нам дано буквально всё от рождения.

– Ладно, сегодня вечер разговоров на религиозные темы, продолжай, – отпив прямо из бутылки, кивнула я.

– Да, это пьяный абсурд, детка, и я гоняюсь за иллюзией. Но как любой человек, хочу понять свое предназначение в этой жизни. Мне, как и тебе, и любому из нас, не достаточно просто плодиться и размножаться. Мы хотим большего, ищем это вокруг себя. Я хочу, чтобы идеи воскрешения стали реальностью, ну, или переселения в другое тело. Но это тело должно быть удобным для пользователя.

– Ну, это называется самореализацией, дружок. Всё так просто. Сделать свой вклад в эту жизнь и уйти в небытие.

– А если над человечеством сыграли шутку? – потеряв

подбородок, сказал Мишка. – И наше бессмертие таиться в нас самих? Ведь пути к бессмертию могут быть различными.

– Неужели Брайтон повелся на такие беседы и дал лабораторию под создание вечной жизни? М-да, в этом мире пора менять порядки и голосовать пойду не за нынешнего президента.

– Нет, я Брайтону рассказал гораздо меньше, – рассмеялся Мишка, – и он повёлся.

– И что же это было?

– Я загнул ему про Ось времени, что живет в нас.

Я от души хохотала. Мишка в своём репертуаре. Но при этом понимала, что за простыми словами стояли рассуждения и четкая научная позиция. Мы дурачились, и нам казалось, что так о делах говорить гораздо проще.

– Представь, – продолжил Мишка, – что мы первый на нашей планете биологический компьютер. Да-да, я вижу человека именно таким. *«Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»*. Мы должны вершить и охранять Землю, Юлька, нас такими создали. А значит, по аналогии, базовые программы внесены изначально.

– И что у нас является базовой программой? – глотнув еще вина, спросила я.

Мишка тоже отпил, помолчал, уставившись перед собой, снова выпил и только после этого нарушил паузу:

– Подсознание. Оно формирует наше восприятие, оно помогает развиваться интуиции, оно подсказывает, что делать в той или иной ситуации. Для меня подсознание – нечто более глубокое, чем принято считать в нашем мире. Его простым набором ощущений и восприятий не назовешь. Знаешь, Юлька, чем я глубже занимаюсь проблемой устройства психики будущих клонов, тем больше верю в Бога. Это мы всё испортили, переиначив то, что нам давалось изначально. Стали придумывать своё, отвернулись от простых истин.

– Ты верующий? Вот удивил!

– Ну, скажем, я сомневаюсь во многом, а значит, верю в чудеса. В нас заложена временная нить, у каждого. Мы рождаемся с ней. Я не могу понять, какая из клеток переносит эту суть, или проще – «базу данных». Я хочу обмануть природу, ее повторить полностью, точнее вызвать в клоне из глубин подсознания. Тогда пустышка наполнится и станет полноценным человеком.

– И как ты собираешься предъявить свою «Ось времени»?

– Пока не решил. Я ее не нашупал. Для меня это пока компьютерный вирус, природу которого нужно понять, – рассмеялся Мишка.

Праздновать мой тридцатый день рождения отправились пятером: я, Мишка, Сиропов, Максим и Брайтон. Улицы

сверкали гирляндами и лазерными проекциями. На всех, даже на небольших площадях города установили модифицированные улучшенные ели. Они пахли так, что, если закрыть глаза, создавалось впечатление прогулки по сосновому бору.

В последнюю неделю перед праздником проводились карнавалы, и люди кочевали из клуба в клуб, из ресторана в ресторан. Заказать столик в такие дни – трудновыполнимая задача. Потому засели в шикарном ресторане. Да и то, свободных мест почти не оставалось. Принесли нам кучу всего съестного, ну а выпивка лилась рекой. Сашка в открытую пытался ухаживать за мной, а Макс ревновал. Ну, или прикидывался, что приревновал.

И тогда Мишка в шутку произнес:

– Сашка голову потерял от твоих прелестей, крошка.

– Скорее от вина, – хрюкнула я в кулачок.

Да, не для дам так напиваться, до поросячьего хрюканья, но и повод вполне соответствующий.

– А может мне клонировать тебя? – наливая очередную порцию, сказал Зиг. – А что? Каждому по копии. Я и себе бы сделал.

Я уставилась на друга. Мишка хитро улыбнулся, подмигнул мне и откинулся на спинку кресла, держа в руках рюмку с горячительным напитком.

– У тебя всё получилось, – медленно произнесла я. – У тебя получилось!

– Да ладно! – встрял Сашка.

Брайтон сосредоточенно посмотрел на Мишку, а потом подался вперед и сказал:

– Завтра жду вас с докладом.

– Конечно, – кивнул Михаил.

– Себя клонируй, герой любовник, – влез Сашка.

Сиропов высокого роста, коренастый, с небольшой бородкой и густой шевелюрой. С первой нашей встречи Сашка недвусмысленно намекал на желание свести отношения между нами к более теплым, но любовь решила за меня. Хотя не скрою, общаться с Сашей весьма приятно, как и проводить время в его лаборатории.

Мишкин язык заплетался, и потому говорил он медленно:

– Допросишься, геолог, всех клонирую, – пьяно рассмеялся Мишка. – Каждой твари по паре.

Брайтон обвел нас задумчивым взором и сказал:

– Интересная мысль. Завтра поговорим о ваших изысканиях. Хочу убедиться, что результат устойчив.

Через несколько дней федерал собрал моих друзей в загородном доме и растолковал об участии в новой секретной программе правительства. Я знала об этом, ведь срывалась встреча с Сашкой, которую он навязчиво называл свиданием.

Чуть позже Сашка перезвонил мне и предложил встретиться. Геолог сидел за рулем хирта и управлял полетом, а мы с Зигом расположились сзади. Мишка казался большим, истерзанным, а Сашка – молчаливым, задумчивым. Я

спросила, в чем дело, и он, помолчав, заметил:

– Видишь, все повторяется. Теперь человечество строит Ковчег. Только вот кто будет Ноем?

– Совсем помешался на своей религии, – хмыкнула я. – Перестань, дружище. Давай ко мне завалимся и напьемся до пороссячьего визга.

Идею поддержал Сашка, хоть и Максим был зол на меня, когда увидел нашу компанию на пороге квартиры. Но вскоре он присоединился к нашему застолью. Посидев с нами час, Максим ушел по какому-то важному делу.

Невероятно, но спустя год я должна была отправиться на похожую вечеринку. Только теперь компания должна была состоять из четверых. Максим отбыл, сославшись на встречу с другом. В тот день всё у всех срывалось, и вечеринка откладывалась по разным причинам. В итоге решили отпраздновать на следующий день.

Сашка заехал ко мне, чтобы вручить подарок – браслет с бриллиантами. Но практически сразу ему позвонила сестра и попросила привезти лекарство. Мишка заверил по телефону, что таковое он даст и даже лучше. Я отправилась с другом и, пока он навещал сестру, решила зайти в бар.

Сквозь прозрачную витрину я смотрела на Максима и его спутницу и осознавала, что она ему подходила больше меня. Они казались одним целым, были важны друг для друга, от них веяло нежностью.

Трудно понять такой эгоистке, как я, что нельзя удерживать возле себя мужчину. Но я справилась и в тот же день отпустила любовника на все четыре стороны. Наш разговор состоялся в моей квартире, когда Максим приехал и выразил недоумение моим нахождением дома. Я смогла заставить себя произнести слова расставания, хотя откровенно говоря, каждое из них пришлось вытаскивать из себя едва ли не с кровью.

Назвать случившееся ударом глупо, меня буквально раздавило под тяжестью глыбы вранья. Помню, шла, не разбирая дороги после разговора с Королем. В душе царила пустота, в голове – ворох мыслей. Нет, я не любила Максима настолько, чтобы снова провалиться в психоз, но я любила себя и напилась до одури на пятом этаже лучшей гостиницы нашего города.

В голову пришла бредовая идея посмотреть на город с высоты птичьего полета. Чего я там не видела, спрашивается? Но я залезла на карниз с бутылкой в руке и закричала во всё горло. Ветер трепал мои волосы, подол платья развивался, точно флаг. Я была счастлива, пьяна и считала, что это начало моей новой жизни, а оказалось её глупым концом.

Меня нашли сразу, как только упала на землю. По странной случайности я еще находилась в сознании. На медицинском хирте «Скорой помощи» меня доставили в лабораторию к Михаилу. Последнее, о чем я думала: боль и желание пить.

Через несколько недель, я открыла глаза. Помню, меня разбудил стойкий запах какого-то медикамента. Он показался мне отвратительным и единственная возможность прекратить это – распахнуть веки.

– Наша спящая красавица очнулась, – сказал мелодичный женский голос.

– Отойдите, – раздался хриловатый Мишкин бас. – Привет!

– Привет! – прошептала я.

Слова давались с трудом, и во рту всё пересохло, но я рада была, что могу говорить. Значит, я жива и мы еще повоюем.

– Состояние стабильное, – снова вмешалась девушка.

Я не видела её, но это не самое важное. Мишка склонился надо мной и осматривал, трогая за лицо, шею, спрашивая что-то у помощницы.

– Рефлексы в норме, – произнесла девушка. – Идет проверка остальных функций.

– Выключи её, – попросила я. – Чувствую себя исследуемой крысой.

– Верочка, тише. Занимайтесь работой молча, пожалуйста.

Верочка умолкла, я стала чувствовать легкое покалывание в области позвоночника. Двигаться я не могла, и это настораживало.

– Я теперь брёвнышко? – улыбнулась я.

– Не-ет, что ты! Ты будешь жить полноценной жизнью...

Через дня три сядешь, а еще через сутки попробуем встать. Я смог, Юлька, смог! Ты первый клон, что у меня получился, и я смог сохранить всё, чем ты жила. Я смог, слышишь, смог!

– Но я едва помню, что со мной произошло.

– Ничего, это восстановится, – заверил медик. – Мы горы свернём. Я так испугался за тебя, что решился на эксперимент. Это противозаконно... Да какое там, это пахнет тюрьмой! Но я горд, что сумел воссоздать тебя и поселить твою сущность в новое тело. Ничего, ничего, функции короткой памяти возродятся, ведь, что произошло до происшествия, ты помнишь, меня узнаешь. Всё, всё будет хорошо. А сейчас отдыхай, заслужила.

Почувствовала, как по вене потекла холодная жидкость, и глаза сами собой закрылись.

Я быстро шла на поправку, и друзья рассказали мне о случившемся. Боль, что я испытывала после падения, приходила ко мне лишь ночью, вместе с кошмаром. С этим Мишка пока ничего не мог поделать, психологические тренинги не помогали.

Ближе к лету я смогла приступить к работе. Нагрузку Зиг ограничил, но я его слушать не стала. Сашка навещал меня, иногда каялся, что не уберег. Изредка его раскаяния переходили в стенания, и тогда находиться рядом с Сироповым становилось невыносимо. Он клял Судьбу, жребий и несчастную зависимость от чего-то, что называл Злом. Пояснения не вносил, что это такое, но делал скорбное выражение лица

и тихо сопел.

С Максимом я порвала, и Сашкины проведывания меня в домашних условиях всё чаще стали носить характер свиданий – цветы, вино, подарки... Я не знала, как сказать другу, что наши отношения не видела более близкими, и потому чаще ходила к Зигу.

– Ну, как самочувствие? – встретил меня дежурной фразой Мишка.

Она стала привычной для нас обоих за время, пока была под наблюдением.

Я вошла в помещение с белой отделкой и расположилась в кресле под массивным подвешенным прибором. Мишка встал из-за своего стола и подошел ко мне, улыбнулся и начал осмотр.

Странно, но мне и в голову не приходило, что я клон. Четко помнила случившееся в прошлом, своих родителей, первую любовь. Мишка говорил, это из-за моего желания продолжать жить, ведь я даже умереть, как следует, не успела.

– Я читал в твоём деле о нервном срыве, произошедшем много лет назад, – начал врач. – В рапорте коменданта общежития значилось, что ты вела какие-то записи, очень не хотела отвлекаться.

– Да, писала Дневник.

– И что это было?

– Бред, но с сюжетом. Действия происходили в двух веках:

нынешнем и двадцатом. Я люблю этот век за полёт мысли. Видимо, когда крышу снесло, меня замкнуло на этом времени.

– И о чем Дневник? – проверяя что-то на мониторе прибора, стоявшего на столе, спросил Мишка.

– О любви. Точнее та, часть, в которой описывала двадцатый век. Знаешь, занятная история вышла, про обман, желание воспользоваться тем, чем обладал человек до прихода в его жизнь других людей, желающих получить от него какие-то ценности. Рассказ о веке текущем шел от лица той же выдуманной девушки. Ей приходили видения о полёте в космосе, проблемах, возникших в нём. Жаль, есть одно «Но»...

– «Но»? – брови Мишки поползли на лоб, пока он устранивал на моей голове нечто похожее на шлем. Эта штуковина была привязана проводами к прибору и застегивалась под подбородком. – И в чем оно состоит?

– История получилась слишком банальная, – хмыкнула я, а друг расхохотался, и ничего не сказал.

Тестирование провели быстро и, судя по Мишкиному виду, результаты его порадовали.

– Скажи, – уткнувшись взором в серебристую панель экрана планшета начал Мишка, – а у тебя во время работы или расчетов всё на том же уровне? Или ты долго размышляешь над формулами?

– Тут действительно наметились изменения. Я стала быстрее находить решения и вижу огрехи в своих расчетах. Рань-

ше могла часами биться над каким-то опытом и не понимать, почему результаты не соответствуют наработкам. Теперь с этим проблем не возникает. Я даже хотела спросить у тебя, не добавил ли ты мне в мозг чего-то дополнительно к «базовому комплекту»? Ну, так, чтобы стала умнее. Или это смерть сделала из меня счётную машинку?

– М-да, – почесал подбородок Мишка и как-то странно посмотрел на меня.

Ох, не понравился мне этот взгляд, но от вопросов воздержалась.

Даже подумать не могла, что раньше так много времени тратила на дополнительные телодвижения, суету, чувства. Теперь я четко определяла, что нужно сделать и, выстроив алгоритм, шла к цели наикратчайшим путём. После своеобразной реинкарнации находились силы на всё, но главное – я могла их правильно распределить.

С Максимом вскоре дела тоже наладились. Я будто взглянула на него по-иному. В голове созрел четкий план по устранению любовницы. Всего и надо было правильно расставить приоритеты и заставить возлюбленного в них поверить. Максим вернулся ко мне и снова смотрел горящим взглядом. Но не принесло мне это морального удовлетворения. Словно что-то я потеряла.

Я крутила и вертела парнем, и знала твердо: он влюбился на этот раз по-настоящему, только мне это уже ни к чему. И дело не в шоке, который испытала, узнав о планах Брайто-

на на меня, а скорее от бесперспективности этих отношений.

Это случилось не так давно. Максим сам завел разговор о моих возможностях, достижениях, перспективах. Сам же и покаялся, рассказав о решении Брайтона таким образом шпионить за мной. Максим целовал мне ноги, гладил икры и болтал-болтал, а я слушала, и мне было всё равно. В моих дальнейших планах появилась цель и состояла она в том, чтобы оставить однажды Ила Брайтона в дураках. Пока не знала, как это сделать, но жизнь умела преподносить сюрпризы, а значит, шанс есть всегда.

Очередной визит к Зигу начался с хорошей новости:

– Да-да, смерть пошла на пользу, – рассеянно кивнул Мишка.

Слова друга выдернули меня из размышлений. Я наигранно нахмурилась и сказала:

– Докатилась, теперь только и берут, что в подопытные кролики.

– Перестань. Никакой ты не кролик, а научный удавшийся опыт. Я горжусь тем, что смог во благо употребить свои разработки. Ты ведь тоже не отстаешь. Наслышан от Брайтона о твоём приборе. Он действительно может вскрыть пространство и опрокинуть нас на несколько мгновений назад?

– Примерно так, – хитро прищурилась я. – Но скорее это больше похоже на телепортацию, чем путешествие во времени. Да и телепортацией не особенно пахнет. Так, передвижение предметов на крайне короткие расстояния. Тебе ин-

интересно?

– Конечно, ведь мне надо понять, в какой момент взорвётся бомба твоего исполнения, которую возьмём на борт, чтобы успеть влезть в спасательный модуль. Авось пронесёт.

– Не переживай, взрыва не будет. Только ускорение или замедление, как пойдёт...

Видя недоумение на лице друга, я расхохоталась. Мишка, театрально нахмурился и поджал губы.

– Миша, излучение, которое стало основой моей работы, уникально. Оно поможет нащупать Космическую струну и не только её. Представляешь, какое это открытие? Прибор позволяющий отыскивать такие вот объекты! Не думала, что занимаясь чем-то узконаправленным, я смогу продвинуться дальше и получить много больше от проекта.

– А что дальше, Юль? Вот скажи, что будет, как обнаружишь свою «струну»? Что будет, когда сможешь переслать данные излучения для расшифровки на Землю?

– Ты как врач интересуешься? Думаешь, меня может заклинить в самый ответственный момент? Сойду с ума, например. Или так... ради праздного любопытства?

– И то и другое верно. И еще... кто надоумил тебя сопоставить открытие излучения и прощупывание этим прибором космической струны?

– Никто меня не надоумливал, дружище. Все сама, вот этой вот головкой, что на плечах.

– Ты не ответила на другие поставленные вопросы. Тебе

их повторить?

Мишка бывал невыносим. Но я и Сашка мирились с этим, ведь все мы, учёные, одним миром мазанные. Я вздохнула и ответила:

– Мне интересно понять, что такое пространство-время и можно ли его обмануть или проникнуть с помощью него в другое измерение. Представь себе плоский лист бумаги – двумерное евклидово пространство...

Я схватила лист бумаги, лежащей на столе, и повертела перед носом у Миши, будто фокусник и продолжила:

– Вырежем из него сектор, скажем, в десять градусов. Свернём лист в конус так, чтобы концы сектора прилегали один к другому.

Я свернула небольшой кусок листа и разгладила. Затем провела ногтями по сгибу и, расправив лист, оторвала кусочек. Уж и не знаю, сколько градусов я выдрала, но для меня важна наглядность. Теперь лист бумаги не выглядел ровным.

– Мы вновь получим двумерное, но уже неевклидово, пространство, – встретившись взглядом с Мишей, невольно улыбнулась. – Точнее, оно будет евклидовым везде, за исключением одной точки – вершины конуса. Обход по любому замкнутому контуру, не охватывающему вершину, приводит к повороту на триста шестьдесят градусов, а если обойти конус вокруг его вершины, оборот будет на триста пятьдесят градусов. Это и есть одна из характеристик неевклидовости пространства.

– Да, и что дальше? – почесав нос, произнес Мишка.

– Нечто подобное возникает и в нашем трехмерном пространстве в непосредственной близости от струны. Вершина каждого конуса лежит на струне, только «вырезанный» ею сектор мал – около двух с половиной угловых минут. Именно на такой угол струна своей огромной массой искривляет пространство, и на этом угловом расстоянии. Мало того, если присмотреться к космическим телам через микроскоп, то можно увидеть две звезды вместо одной.

– Космический мираж? – пододвинув кресло и присев рядом со мной, произнес друг.

– Абсолютно верно. Самое интересное, что эффект гравитационной линзы на струне можно увидеть и без телескопа: разрешающая способность человеческого глаза – примерно половина угловой минуты. Этого вполне достаточно. Нужно только знать, где искать, и отличать «миражи» от реальных объектов. Причём это открытие о «миражах» было сделано еще в двадцатом веке.

– Потому ты так любишь это время?

– Да, – разгладив несуществующую складку на своих брюках, сказала я.

– Слушай, раз так всё просто, то зачем тебе излучение? Ты сама сказала, что струны можно обнаружить едва ли не взглянув на небо...

– Ты невнимательно меня слушал, дружище. Я сказала про космическую струну, но добавила: и не только. Суще-

ствует Теория зеркального мира. До сих пор она только на стадии теоретического высказывания. А у меня теперь появилась возможность сделать теорию открытием. Представь, что у каждого сорта элементарных частиц существует партнер. Другими словами, могут существовать структуры типа двойных звезд, в которых один компонент – обычная звезда нашего мира, а другой – звезда из мира зеркального, которая для нас невидима. Такие пары звезд действительно наблюдаются, и невидимый компонент обычно считают «черной дырой» или нейтронной звездой, которые не излучают света. Однако он может оказаться звездой из зеркального вещества. И если эта теория справедлива, то есть проход из одного мира в другой: пролет сквозь кольцо равноценен повороту частиц на сто восемьдесят градусов, их зеркальному отражению. Пройдя через кольцо, меняем зеркальность, попадаем в другой мир и исчезаем из нашего.

– Хорошо, предположим, нащупали космическую струну, что дальше?

– Излучение, помнишь про него? – подняла я указательный палец вверх.

Миша кивнул, а я хитро улыбнулась:

– И я отвечу на вопрос: «Что дальше?». Я хочу разобраться во всём и понять, как можно посмеяться над временем в обоих мирах. Это – прорыв, и от него вряд ли откажется человечество.

– А если не получится?

Я пожала плечами. Стала немного уставать от объяснений, отчего-то захотелось быстрее покинуть лабораторию и уйти к себе домой.

– Я слаб в теории, в физике, роботостроении и, наверное, в жизни, – тяжело вздохнул друг. – Но в твоём любимом двадцатом веке была сформирована ещё одна теория: «Принцип самосогласованности». Я тебя удивил? Тоже иногда почитываю литературу. *«Что было – то уже состоялось»*. И знаешь, что ужасно? Твоя смерть уже состоялась без перехода в Зазеркалье. Вселенная, в которой ты родилась, жила и умерла, запомнила и записала этот факт к себе в бесконечную книгу. И то, что я не смог как-то это предотвратить, меня угнетает. Прости меня, Юля, прости.

– О чём ты? – нахмурилась я, а потом ободряюще улыбнулась. – Не понимаю. Ты и Сашка всё время просите у меня прощение, только не ясно, за что?

Но Зиг как будто не слышал меня. Мишка выглядел человеком полным раскаяния, отрешенным, погруженным в себя.

– Я должен был это предвидеть, но не смог. Ты умерла для всех и даже для самой себя. Если однажды ты обманешь время, ты снова будешь стоять на том окне, и ничто тебя не застрахует от падения.

– Ты к чему клонишь?

– Я пропишу тебе таблетки, – словно опомнился друг. – Пей их, пожалуйста. Они помогут избавиться от ненужных

видений, если таковые возникнут.

– Видения? Они меня не мучают. Если только... Я стала бояться темноты, представляешь?

– Как дела у Саши? – перевел разговор Мишка. Вероятно, я слишком его утомила. – Сиропов так перенервничал из-за тебя. Кричал, бросался в лабораторию. Пришлось двери закрыть – так он ломился в них. Закончилось тем, что военные вмешались.

– Он занят, но для меня пару минут нашел. У него все нормально. Зовет отметить мое воскрешение. Ты как на это смотришь?

Мишка смотрел в пол, а не слушал мои вопросы. На лбу залегла глубокая морщина. Вид растерянный. Я тихонько позвала друга по имени, но ответа не последовало. Что его так озадачило?

Наконец, Мишка очнулся, точно ото сна, и занялся застегивкой шлема, чтобы его снять. Руки друга заметно дрожали. Я накрыла своей ладонью его пальцы. Зиг поднял на меня взор, и я успела прочитать в нем страх и подавленность.

– Что, Миша? Что?

Я вглядывалась в лицо друга, пытаюсь понять, в чем проблемы. Его мучила какая-то мысль или вопрос, но он не желал делиться ею.

Мы распрощались как-то странно. Мишка долго не отпускал мою руку и просил меня пригласить Сашку пожить к себе. Мол, слишком дружок перенервничал, а мне пора отдох-

нуть от своего возлюбленного.

По-моему, так чужь собачья. Не понимала, зачем все это нужно Зигу? Почему он мелил эти глупости с печатью страдания на лице, но я сделала, как он хотел. Позвонила Сашке и пригласила к себе в гости. Но переселения не состоялось. Через три дня он погиб на моих глазах.

Я пришла к нему в лабораторию по приглашению. Сашка хотел поговорить со мной о чем-то важном. Он и раньше пытался связаться со мной, и только оставил сообщение в сети, что согласен пожить у меня какое-то время. К тому же намекнул о каком-то важном решении, а я должна была выслушать его. Но я на три дня зависла в собственной лаборатории.

Идя по коридору, вдруг услышала за спиной шаги. Оглянувшись, увидела Ила Брайтона.

– Как хорошо, что я вас встретил, – начал федерал. – Меня впечатляют ваши результаты, и я понимаю, что мы близки к реализации проекта.

– Спасибо, – пожала плечами я и сунула руки в карманы рабочего комбинезона.

Не знаю, отчего-то в последнее время я себя чувствовала как-то неуверенно рядом с Илом. Раньше относилась к нему по-разному, но такого дискомфорта и желания сбежать не испытывала. Возможно, это последствия моего «воскрешения». Вероятно, следовало об этих проблемах сказать Зигу.

– Вы идете к господину Сиропову? Тогда я с вами.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами и в сопровождении Брайтона дойти до двери Сашкиной лаборатории.

– Сиропов, – позвала я, но в ответ тишина.

Я подошла к двери между комнатами и потянулась к ручке. Пальцы отчего-то дрожали, хоть я совсем не волновалась. Кожа казалась белой, мокрой. Я толкнула дверь и огляделась. Сашкины ноги торчали из-за огромного металлического ящика. Сердце пропустило удар, в голове появился ворох ненужных мыслей. Внутри меня начала зарождаться паника.

Я бросилась к другу и оторопела от увиденного. Сразу даже не поняла, почему вокруг его тела столько красной жидкости растеклось.

Руками Сашка сжимал живот, а точнее то, что из него торчало. Я сделала шаг и наклонилась, а потом резко отшатнулась, больно ударившись локтем и плечом о ящик. Сашкины кишки безобразной массой были зажаты в его ладонях.

Меня затрясло и я, прикрыв ладонью рот, бросилась в коридор, едва не сбив Ила. Я бежала, не убирая руки от лица. Спустившись по технической лестнице, на несколько пролетов остановилась, чтобы отдышаться. Из рта вырвался всхлип, дыхание стало прерывистым, глаза щипало. Меня разрывала изнутри истерика, потому я дала волю слезам.

Через некоторое время я перестала плакать. Кожа на лице болела, когда дотрагивалась до нее и казалась горячей. Я одернула футболку, провела по волосам руками. Это прида-

ло мне уверенности, помогло почувствовать в себе силу. Я направилась в лабораторию к Зигу. По его лицу я сразу поняла, что случилось, но сердце отказывалось верить. Мишка обнял меня за плечи, а я уткнулась в его грудь. Слез не было, только боль между ребрами и понимание, что прежнего друга не будет.

– Он был еще жив, и я сделаю всё возможное, – произнес Зиг.

Мише удалось воскресить геолога, но при взгляде на бывшего друга я понимала: он теперь другой. Это был биологически тот же человек, но взгляд иной, манера говорить, улыбка. Хотя именно после смерти Сашка, наконец, стал мне родной и понятный. Возможно, психологическое состояние, и я подсознательно искала подобных себе, тех, кому довелось пройти через то же, что и я.

Глава 3

Оба проекта входили в завершающую стадию и все чувствовали подъем. Каждому из нас было чем гордиться, и осознание, что скоро всё случится, витало в воздухе. Состав будущей экспедиции был утвержден высшим руководством, об этом радостно на одном из общих собраний заявил Брайтон. Оба моих друга стали частью экипажа, что немного раздражало. Мне казалось, что испытывать прибор должна я сама, а не наслаждаться маленькими крохами, что будут пересылаться из космоса. Но я успокаивала себя, пытаюсь оправдать решение комиссии рациональностью такого выбора.

Мой тридцать четвертый день рождения отметить не удалось, с Максимом ездили на выходные к теплому морю. Решили с друзьями собраться маленьким тесным кружком немного позже, в рождественские праздники. Зиг последнее время ходил смурной. Его затравленный взгляд не вселял нам оптимизма. Мы никак не могли разговорить врача, чтобы помочь разобраться в его проблемах. За восемь лет знакомства знали, что единственный способ это сделать – напиться.

Удивительно, мне порой казалось, что Мишка настолько заковырялся в чужих мозгах, чувствах, переживаниях, что совсем забыл о себе. Он стал дерганным, нервным, озлобленным. Мы с Сироповым откровенно не понимали, отчего

такие перемены. Дела, насколько мы могли судить, шли в его лаборатории хорошо, и Брайтон часто говорил об успехах. Так в чем проблемы?

Стоя возле огромного окна собственной квартиры, я звонила Сашке по видеофону. Уже стемнело. Мороз в этом году расписывал окна толстыми мазками, и моему досталось по полной. Приложив ладонь к стеклу, почувствовала покалывающий холод. Не отнимая руки, я подула на нее. Через минуту убрала, оставив на преграде темный запотевший отпечаток. Сквозь него теперь виден город и голограммы расположенных рядом с моим домом заведений.

– Надо будет проверить тепловой обмен, – сказала я в пустоту.

Подошла к прикрепленному в углу прибору, открыла крышку и набрала код своей квартиры. Затем вызвала интерфейс и отыскала домовую службу. Быстро напечатала сообщение, чтобы проверили оконное покрытие, и вернулась к месту, где красовался отпечаток моей ладони. Он стал мутным. Вероятно, мороз решил быстрее устранить прореху.

Неожиданно голографическая проекция высветилась поверх оконного стекла, и я увидела Сашку. Мокрые волосы друга были зачесаны назад, лицо румяное, глаза сверкали.

– Юль, привет! Я разговаривал с Зигом. Не хочет он в ресторан.

– Может другое заведение?

– Нет, ты не поняла. Зовет всех к себе домой. Ты как, со-

гласна?

– Еще бы! Наряжаться – не моё, ты знаешь. Во сколько встречаемся?

– В шесть.

Когда мы уселись за небольшой столик в просторной Мишкиной квартире, он сиял улыбкой и пытался шутить. Но я видела на дне его глаз печаль и страх.

После третьей бутылки Мишка вдруг спросил:

– А вы, ребята, порой вспоминаете, как вы погибли? Как у вас эти воспоминания приходят? Вам больно внутри этих моментов?

Признаться, мы оторопели, но Сашка решился на ответ:

– Я порой просыпаюсь от боли в животе и потом долго таращусь, чтобы глаза не закрывались. Ради того, чтобы светло было, даже оставляю свет включенным. Смешно сказать, теперь боюсь темноты.

– А ты, Юлька? – повернулся ко мне Зиг. – Ты помнишь, как умирала?

– Что за глупые вопросы, а? – попыталась улыбнуться я. – Праздник, а ты о кошмарах.

– Значит, кошмары... – задумчиво протянул Мишка. – А я надеялся...

– Да что с тобой в последнее время происходит? – взбесилась я.

Мишка, как-то странно на меня посмотрел и сказал:

– Скоро и мне воскресать придется.

– Да с чего ты взял? – нахмурился Сиропов. – У нас с Юлькой несчастные случаи. Она напилась с горя, решила поиграть со смертью и поиграла, равновесие потеряла. Я – поставил неудачный эксперимент.

– Да-да, конечно... – вяло отозвался Мишка. – Давайте выпьем. Хочу этот вечер запомнить вот таким, без страха и будущих кошмаров.

Через пять дней Зига не стало, а точнее не стало оригинала, а с копией мы познакомились спустя месяц. История его гибели показалась мне запутанной и мутной. По версии Брайтона, которую впоследствии подтвердил и Миша, его настиг инфаркт, когда он вошел в лабораторию для проверки каких-то результатов. Оказывается он пил несколько дней подряд после наших посиделок и на работу приехал по вызову дежурного сотрудника. Тут всё и случилось: Мишка упал, потерял сознание. Его сотрудники диагностировали обширный инфаркт и сообщили об этом Илу. Тот принял решение клонировать Зига.

Странное дело – предчувствия... Всегда считала это самовнушением, глупым трёпом экзальтированных идиотов, но после клонирования Миши я стала прислушиваться к собственным ощущениям. Друг знал, что скоро погибнет, говорил нам об этом. Мне казалось, что он переутомился, стал заниматься самоедством. Что и говорить, а Мишка отличался крайней степенью педантичности. Она съедала его изнутри, заставляла возвращаться к началу исследований.

К моменту его гибели я уже несколько лет существовала, будучи клоном, а он продолжал возвращаться к самому началу эксперимента со мной. Я однажды спросила его: «Что ты хочешь там увидеть, Мишка? Я живу полноценной жизнью, радуюсь ей и благодарю тебя, что помог остаться на этой земле». Но Зиг с упорством продолжал всматриваться в результаты четырехлетней давности и приглашать меня на тесты.

Теперь и у меня родилось стойкое предчувствие, что грянут перемены. Мысль об этом витала в воздухе. Во время одной из встреч с Сироповым он спросил у меня, в чем дело. Это было ранней весной, мы прогуливались по центральному парку и говорили о разных пустяках.

– Эй, ты так ноги промочишь! – донеслось до моих ушей.

Я сделала шаг назад и ухватила за локоть геолога.

– Задумалась, спасибо.

– В каких облаках витаешь, красавица?

Саша поднял руку к моей голове и поправил выбившуюся из-под берета прядь волос. Жест показался интимным, потому я инстинктивно отодвинулась. Последнее время Сиропов стал настойчив. Это не нравилось Максиму, и чтобы не ссориться с ним, попросила друга держать себя в руках. Не действовало.

– Я не знаю... – зачем-то отряхнув пальто начала я. – Мне кажется, что-то должно случиться. Сердце не на месте.

Сашка хохотнул и посоветовал:

– С такими проблемами нужно к Зигу. Он быстро отладит работу организма. Но... По мне, так это просто весна на тебя так действует. Слышала ведь такое устойчивое утверждение: «Весна – пора любви». Я с ним совершенно согласен.

– Саш, не надо... Максим сделал мне предложение, и я согласилась.

– Вот как? Ну-ну... Поздравляю. Надеюсь, к моему возвращению из экспедиции ты уже разведешься со своим... Вот зараза! Даже таких слов нет, чтобы дать точное определение твоему жениху.

Мне не понравилось последнее Сашино изречение. Он сменил тему и заговорил о будущем полёте. Не знаю отчего, но именно его «ну-ну» показалось мне зловещим, тем самым неотвратимым предзнаменованием скорых перемен.

Подготовка к экспедиции переходила к завершающей стадии, когда скончался мой коллега. В его задачи входила непосредственная работа с материалом на корабле. Нелепая смерть, глупая – попал под разряд электрического тока. Откладывать экспедицию не стали, решили заменить умершего мужчину мной.

На личном участии в экспедиции настояла я, хотя мне предлагали остаться на Земле и следить за разведкой из лаборатории. Но я не могла уступить это место Илу Брайтону.

В канун полёта я задержалась в лаборатории. Не считала себя эмоциональной особой, но уходить из помещения, где провела по-настоящему лучшие годы, желания не было. Я

придвинула кресло к окну и смотрела на холодный закат. Лето, а небосклон окрасился малиновой краской. Цвет казался нереально ярким, но притягательным. Хотелось запомнить его, унести с собой в далёкий черный космос.

Раздалась трель видеофона, и я, достав прибор, нажала на включение. Луч видеофона спроецировал экран на окне, и я увидела Максима.

– Привет, любимая. Домой собираешься? Скучаю...

Я кивнула и сбросила вызов. Снова посмотрела в окно. Состояние красоты, которым восхищалась минуту назад ушло. Теперь закат казался красноватыми, с аляповатыми кляксами, а проглядывающие сквозь клочковатые облака звезды – неестественными. Я ушла домой, закрыв дверь в восьмилетнее прошлое и запечатав его кодом на электронном замке.

Часть вторая

Глава 4

– Успокойся, все хорошо! – услышала я знакомый голос.

Тело ныло, а ноги выворачивала судорога. Я открыла глаза. Сквозь пелену, видела встревоженное лицо Максима.

– Мне больно, – прохрипела я.

Голос казался чужим, во рту пересохло. Облизнула губы и старалась не закрывать веки. Темнота – угроза, и я боялась снова в нее нырнуть.

– Успокойся, любимая. Это кошмар, он снова тебе приснился. Я принесу воды.

Максим встал с постели, подошел к стенке и, вдавив кнопку на выступающей панели, дождался, пока откроется дверь холодильника. Я поднялась на локтях и наблюдала за ним. Максим достал биологическую бутылку и приподнял так, чтобы свет падал на неё, и можно было разглядеть содержимое.

– Тут воды на дне, – повернувшись, сказал Макс, – но тебе хватит.

Я кивнула. Пока он переливал жидкость в бокал, рассматривала возлюбленного. Короткая стрижка, узкое лицо, густые брови, сросшиеся на переносице, большие глаза и без-

дна обаяния. Мне казалось, я знала его сто лет, хотя нашему серьезному роману лишь год.

Макс вернулся и протянул бокал. Я выпила его разом.

– Ну, как? Тебе стало лучше?

Он наклонился и приблизил свое лицо к моему, погладил по щеке.

– Да, спасибо, – отдала стеклянную емкость.

Максим присел рядом и выдохнул слова:

– Не верится, что сегодня последняя ночь. Не думал, что это будет так больно.

Его большой палец обрисовал мою скулу и погладил губы. Я нервно сглотнула. Все никак не могла привыкнуть к интимным ласкам. Надо же, мы планировали свадьбу, жили вместе, а я все еще стеснялась такого открытого проявления любви.

– Я прилечу через два года, – прошептала я.

– Два года! Я с ума сойду!

– Ты же понимаешь, это важно для меня, науки, человечества, – назидательные ноты слышались в моем голосе. Саму покорило.

Лицо Максима исказила гримаса, и он резко поднялся с постели, подошел к окну. Его силуэт на фоне ночного города казался призрачным, ненастоящим. Мужчина-видение, пришедший ко мне из сна. Зато огни пролетающих мимо окон такси и частных хиртов наблюдать вполне привычно. Сбоку от моей «высотки» снова включили голографическую

рекламу, и я могла лицезреть сексуальную девушку, с манящей улыбкой. На ее пышной груди, слегка надорвалась маечка, и открылись на обозрение буквы тату: «Бар „Одинокий волк“».

– Обещай, когда поженимся, ты переедешь ко мне, – прервал паузу Макс. – Ужасный район.

– Чем? – улыбнулась я.

– Как можно жить на уровне груди той иллюзорной брюнетки?

– С другой стороны от дома Киртанская школа, – сдерживая хохот, произнесла я. – Голография еще не зажглась, они ее по праздникам включают.

– Вот! О чем я и говорю! Район, где живу я, окружен парками, и голографию видно только в погожий день. Решено! Ты переезжаешь ко мне.

Максим подошел, но присаживаться не стал. Внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Я люблю тебя и хочу, чтобы ты ко мне вернулась, а не застряла в этой дерьмовой экспедиции надолго. Буду ждать, сколько потребуется, но не задерживайся.

– Вернусь. Два года пройдет, и вернусь.

– Хорошо, – улыбнулся Максим, наклонился и погладил меня по волосам. – У меня есть подарок. Закрой глаза.

Я зажмурилась. Легкие шаги по полу, остановка, затем обратное движение. Я почувствовала, как щеки коснулись пальцами, и возлюбленный прошептал:

– Вытяни руки.

Подчинилась. Распирало любопытство, но я держалась. На ладони легло что-то необычное. На ощупь, похожее на шершавую гнущуюся панель, но это не она. Я погладила подарок. Он оказался прямоугольным.

– Можешь взглянуть.

Это была бумажная тетрадь, моя рукопись, пролежавшая на дальней полке в гардеробе моих родителей. С трепетом открыла ее и, увидев ровные прописные буквы, прочла: *«Дневник Юлии Снеговой»*.

Не могла поверить.

– Что? Что это?

– Твой Дневник, – улыбнулся Максим. – Я ездил к твоим родителям в прошлую пятницу и забрал его. Когда я прибыл и сказал, что хочу сделать тебе сюрприз, чтобы ты не забывала о доме, твоя мама кивнула и скрылась. Болтая с твоим отцом, я просидел достаточно долго, пока мама вернулась. Она принесла вот эту тетрадь и сказала, что я сама так хотела.

– Но как?! Это же... С ума сойти! Ты поехал к моим родителям?.. Ладно...

Максим пожал плечами, хмыкнул и отвернулся.

Я держала в руках не тетрадь с идиотским текстом и романтическими стихами, а рукопись с сюжетом, выплеснутым на страницы, содержащим боль, разочарование, одиночество и страх. Но эти чувства принадлежали не мне, а тому, кем я стала на некоторое время, пережив трагедию. На ко-

роткий отрезок времени я сошла с ума, и вся тетрадь была пронизана этим. Я знала содержание рукописи.

– Эй! – крикнула я Максиму. – Так не пойдет! Как ты узнал о Дневнике? Меня не проведешь. Рассказывай, ведь что-то на память мог подыскать и здесь, в этой квартире.

– Нет, – расхохотался возлюбленный, – я тебе не скажу. Я повалила его на постель и забралась сверху. Макс продолжал хохотать, а я пыталась его урезонить.

– Знаешь... – обронил Максим.

Он сел и прижал меня к себе так, что я оказалась в кольце его объятий, помолчал. Я не торопила его, вся ночь впереди. Видела, что хотел сказать что-то важное, и оно давалось ему с трудом. Наконец, он решился:

– Каюсь, я прочитал несколько страниц, но совсем не зря это сделал. Юлия Снегова, ты предсказала меня себе. Ты описала мальчика, друга детства, как две капли воды похожего на меня. По иронии Судьбы ты назвала его Максимом Король. О, нет, не хмурься! Мне льстит, что ты придумала меня задолго до нашего знакомства. Максим Король и Юлия Снегова – музыка будущего.

Сердце сжалось от боли. Но это не была та самая щемящая сладкая боль, которая возникает от приятных, чувственных слов, произносимых любимым. Напротив, мне показалось всё происходящее страшным заблуждением, ненормальностью, карикатурой. Возможно, я всё еще считала сюжет Дневника частью прошлого, где стала любимой и потер-

ла всё. Не знаю... Я с трудом нашла в себе силы улыбнуться в ответ на открытый, любящий взгляд Максима.

– Это намек? – подняла брови я.

– Да, – опалил дыханьем мои губы Макс и страстно поцеловал.

В его объятьях не страшны кошмары, беды, неурядицы. Поцелуи дарили счастье и покой. Теперь жалела, что не могла отложить экспедицию, но это, действительно, невозможно. Последняя ночь в его крепких руках, и дальше только холодный космос. Не собиралась терять ни одного мгновения и потому горячо ответила на поцелуи возлюбленного.

Утром пришлось спешно собираться. Старт в пятнадцать часов, а мне добираться через весь город на космодром. Но Максим пообещал доставить «с ветерком» и выполнил свое обещание.

Прощаться всегда тяжело, а с любимым человеком особенно. Поцелуй получился скомканный, я боялась разрываться.

– Давай, иди, – произнес Максим. – Но через два года вернись, слышишь?

Он порывисто обнял меня, а затем подтолкнул к прозрачным дверям космодрома. Я попятилась, глядя на него и прижимая к груди подарок, сделанный накануне.

Предательские слезы всё-таки выступили на глазах и пролились двумя теплыми дорожками по щекам. Пришлось сделать над собой усилие и повернуться спиной к Максиму. Мне

необходимо одолеть этот путь, и я обязательно вернусь, а его силуэт возле горбатого хиртова останется в памяти.

Пока проходила стандартный протокол для посадки на корабль думала о возлюбленном. Проблема не в моей романтичности и переживании разлуки, хотя и это было, вовсе нет. Дело в осмыслении происходящего, взвешенности делаемого мной шага.

– Снегова, пройдите к креслу, – вмешался в размышления мужчина, что занимался проверкой моего скафандра.

– Да.

Я прошла в кабину. Она оказалась полукруглой. Проход разделял ряд кресел. Насчитала двадцать. Если учесть, что исследователей в группе пятнадцать, то остальные пять – члены команды, включая капитана.

Мужчина, что сопровождал меня, указал кресло, и я уселась в него. Пока закрепляли ремни, я повернула голову и заметила, что по проходу топал Ил Брайтон. Он взглянул на меня, и подмигнул. Затем уселся в кресло на противоположном ряду и стал дожидаться, пока его пристегнут. Отвернулась и уперлась взором в пол. Волновалась и пыталась успокоиться.

Я этого хотела, но почему-то сердце не на месте. Предчувствия одолевали и ничего с этим поделать не могла. Почему я не отказалась? Могла ведь, но решила, что нельзя позволить Брайтону получить эксклюзивность. Настояла на участии, как наиболее подготовленная, хотя изначально плани-

ровалось привлечь к исследованиям на корабле Максима. Эгоистка, что тут скажешь? Не смогла даже любимому мужчине отдать пальму первенства.

Ил, вопреки моим ожиданиям, обрадовался замене. Тут мы с ним оказались солидарны. Хотя обработать данные, прогнав их через специальный прибор, и отослать на Землю не так трудно, ведь вся работа должна проходить в Центре. Сложнее видеть, как это делают другие, наслаждаясь открытием. Это моя идея, мои размышления и мои выводы, а за свое я привыкла бороться.

После выхода корабля в открытый космос, обязательно свяжусь со станцией и поговорю с Максимом. Дальше это делать станет труднее.

Кресла заняты. Я почувствовала, как судно стало медленно отрываться от поверхности космодрома. Меня вдавило в кресло. Придется потерпеть, скоро это пройдет.

Точно во сне доносились команды, отдаваемые капитаном, ответы членов его команды. Почему не запустят специальный блок аппаратов для создания приемлемой гравитации внутри корабля? То, что сейчас происходило, против правил, и обязательно задам вопрос капитану о произошедшем. Надеюсь, он найдет разумное объяснение.

Наконец, все закончилось. Последовала команда расстегнуть ремни, пройти в каюты, для того, чтобы снять скафандры. Подняться удалось с трудом и помощью одного из моих студентов-воjak, Алексея Звяги. Это был улыбчивый моло-

дой человек со светлыми, коротко остриженными волосами и василькового цвета глазами. Он подхватил меня под локоть и дернул на себя. Удостоверившись, что стою на ногах, улыбнулся по обыкновению и произнес:

– Все хорошо, Юлия Евгеньевна, мы летим.

Высвободилась, но тут же снова едва не упала в кресло. Алексей предложил проводить до каюты, и я неуверенно согласилась.

Отведенная мне комната на корабле оказалась достаточно просторной по меркам космических судов. Полка для сна, еще пара полок для мелочей и специальный контейнер для личных вещей. За перегородкой находилась душевая кабина и туалет. Достоянием стал иллюминатор, почти во всю стену.

Подумала о Максиме. Он часто приглашал меня на необычные свидания, но заняться любовью на фоне звезд открытого космоса было бы вполне симпатичной инициативой. Жаль, его не было рядом.

Я стянула с себя скафандр, переоделась в тонкие темные брюки и черную футболку с длинным рукавом. Покопалась в сумке в поисках расчески, а наткнулась на толстую тетрадь. Я наклонилась и вытащила Дневник, погладила пальцами обложку, прижала к груди.

Необычный и дорогой подарок, сделанный возлюбленным, призван напоминать мне о нем, о нашей любви. Хотя... Скорее он напоминал мне о другой любви, закрытой в сердце вместе с болью и страхом. Даже и не знаю, что можно считать

более сильным стимулом для возвращения на Землю: новая любовь и свадьба, или ненормальное чувство привязанности к родителям и праху Марка Светлова...

Но к чему все это сейчас? Выбор сделан, и я летела к собственной мечте. Самореализация... Я жаждала её, заманивала, лелеяла и хотела вернуться победителем из экспедиции.

Аккуратно положила тетрадь на койку и, взяв скафандр, отправилась в соседний отсек, чтобы определить его на положенное по космическому уставу место – специальный шкаф.

Двигаясь по коридору, услышала:

– Стой, Юлия.

Обернулась и увидела идущего ко мне Александра Сиропова.

– Привет, Саша, – улыбнулась я, когда геолог со мной поравнялся.

– Старт что-то не порадовал, – начал он, когда мы продолжили двигаться.

Сиропов перекинул свой скафандр через руку, а другой подхватил меня под локоток.

– Взял бы и твою амуницию, да только по инструкции не положено.

– Перестань, сама донесу.

Мы подошли к шлюзу и, набрав комбинацию на встроенной в дверь панели, вошли внутрь. Я повесила костюм в свободный прозрачный шкаф, и набрала на появившейся виртуальной клавиатуре имя, фамилию и код доступа. Проекци-

онный луч, исходящий из шкафа среагировал покраснением и погас.

– Пойдем? – улыбнулась я Александру.

Его шкаф оказался рядом, и я, облокотившись на угол, наблюдала, как, система, приняв код, заблокировала доступ к открыванию дверцы.

– Да. Что будешь делать до общего сбора в кают-компании?

– Вытянусь на кровати, отдохну, – честно сказала я.

– Могу развлечь байками о геологических странствиях, – ухмыльнулся Сиропов.

– Давай потом, за чашкой чая в столовой.

– Два года, срок не малый, и я все еще не теряю надежду, – приблизился Саша и склонился надо мной.

Я чувствовала его дыхание на щеке, легкое касание пальцев к коже моей руки. Соблазнение полным ходом! Еще и Солнечную систему покинуть не успели! Сиропов никогда и не скрывал своих чувств, что ужасно злило Максима.

– Саша, – укоризненно произнесла я и нахмурила брови. – Пойдем уже. Старт меня вымотал, и я сейчас рухну на пол.

– Давай отнесу.

– Саша! – резко бросила я.

– Хорошо-хорошо. Провожу и отстану. Набирайся сил.

Он действительно довел до каюты, и мы расстались. Прощла к койке, присела на нее. Взяла тетрадь в руки, открыла первый лист, прочла: «Дневник Юлии Снеговой».

Пробежав взором по первым строчкам, удивилась возникшему чувству. Мне отчего-то стало страшно. Я читала это и раньше, учась в интернате, но и тогда и сейчас испытывала разные чувства. В те годы главной в повествовании мне казалась история любви, разлуки и новой встречи выдуманной девушки Юлии Снеговой, теперь считала описание полёта основной интригой прошлого.

Я давно не видела этот текст, а эмоции роднили меня с той давно забытой девушкой, и всё еще казались настоящими, ранили. Чушь! Прежняя я была влюблена, испытала потерю и не могла решиться принять это. Юлия Снегова двадцатого века – подросток. Там слишком много от меня самой, впервые влюбившейся в парня. Будучи в бреду, я позволила той Юлии обрести счастье.

Продолжила разбирать собственные каракули, и они виделись мне сложными, загадочными, несущими какое-то объяснение, пытающимися предостеречь от чего-то. Ошибка, например, или дать понять, что всё произошло давно и не следовало оборачиваться назад.

Две истории, описанные мной, противоречили друг другу и одновременно составляли общее целое. Одна – предупреждала, вторая – дарила надежду. Я уже тогда в подростковом периоде настроилась на полёт в экспедицию, и он случился в моей жизни. Правду говорят, мысли материальны.

Всего текста я не помнила. Прочитав его в доме родителей и положив на полку в гардеробе, очень хотелось забыть

срыв. Теперь, с высоты прожитых лет, не видела ничего дурного в том, чтобы перечитать рукопись. Возможно, это поможет переступить черту и топтать дальше по жизни под руку с Максимом. Я слишком долго жила прошлым, очень много работала над тем, чтобы забыть его. Прах Марка всегда стоял между будущим и мной. Прах Марка был отправной точкой для того, что удалось достичь. Прах Марка не давал покоя долгие годы, побуждая меня отказываться от всего и концентрироваться на науке. Теперь я взрослая женщина, и пора расстаться с глупыми предубеждениями. Оттого и следовало еще раз прочитать тетрадь.

– Через час всем собраться в кают-компании.

Голос командира, выдернул меня из первой страницы Дневника. Я вспомнила, что хотела поговорить с капитаном судна, и правильнее сделать это сейчас.

Поднялась с кровати и направилась к выходу. Открыв дверь, я уперлась в невидимую плотную преграду. Вытянула руку, трогая пространство перед собой. Странное ощущение, будто касалась застывшего геля. Пальцы утопали, но слабое сопротивление материала моим движениям чувствовалось. Это какое-то силовое поле? Но тогда почему оно осязаемо?

Моя кисть увязла в невидимой препоне. Я попыталась ее вытащить, но не смогла. Инстинктивно уперлась в мягкую преграду другой ладонью и попыталась вытянуть застрявшую. Вместо этого вторая рука тоже увязла.

Непонятная материя крепко удерживала меня. Я вдавилась в нее всем телом и неожиданно легко сделала шаг. Очутилась в просторном коридоре, залитом солнечным светом. Парни и девушки в старомодных одеждах, болтая друг с другом и смеясь, передвигались по коридору. Я заметила солнечный зайчик на мраморном сером полу.

Он скользил в сторону стены, и мой взор следовал за ним. Зайчик пропал, а взгляд уперся в огромную раму из металлических уголков и стекол, вставленных в неё. Внутри висели несколько здоровых листов бумаги, причудливо разлиннованных, с мелкими надписями. Я сделала шаг к диковинному объекту и сосредоточилась на чтении.

– Привет, Юлька, – чистый девичий голос коснулся ушей.

Я оторвала взгляд от расписания занятий, возле которого стояла уже битых тридцать минут силясь понять, почему появилось «окошко» между уроками. Рядом со мной стояла Марина Сорокина, моя закадычная подруга. Я бегло оценила наряд девушки. Он состоял из узеньких джинсов, кожаной курточки и туфель на высокой платформе.

– Привет, Марина, — отозвалась я. — Классно выглядишь.

Сорокина заправила за ухо прядь платиновых волос, что выбилась из прически, и улыбнулась:

– На том стоим! Ты чего там разглядываешь?

– Пытаюсь понять, какая пара будет следующей, но что-то никак, – я поправила очки на носу.

– Так вчера было объявлено, что занятия переносятся на понедельник.

– А я не слышала.

– Ну, конечно, ты в это время таращилась в окно. О ком мечтала, подруга?

Я пожала плечами и, поправив ремешок сумки на плече, произнесла:

– Ни о ком, а о чем.

– Ну, и что повергло тебя в размышления?

– К морю хочу, — вздохнула я. — Майские праздники впереди, очень удачное время. Зачеты все получила, а экзамены еще не скоро. Сегодня же закажу себе билет по интернету и полечу к красному солнышку в гости!

Я зажмурилась в предвкушении удовольствия и крутанулась на пятках. Пять дней витамин «D» будет пронизывать меня, и никакой учебы и напряжения. Следовало как-то окрестить предстоящую неполную неделю, и родился в голове экспромт: «Пять дней нирваны»!

– Эй, — позвала подружка. — Завязывай уже так улыбаться, завидно же... Пошли лучше на улицу. Посидим на травке-муравке, с девчонками посплетничаем.

Пришлось уступить. Стеклопакетные двери университета выпустили нас в мир, залитый светом и запахами появившейся листвы. Остановилась и глубоко вдохнула. Невольно заулыбалась. Я любила весну за ее золотистое солнце, теплоту, которую она вселяла в каждого, длительные выходные...

Пожалуй, на этом все, но разве мало?

Марина шла, не оборачиваясь, и следовало ускориться, чтобы нагнать ее. Поправила очки, съехавшие на кончик носа, и устремилась за подружкой. Понимала, куда она направлялась. Тоже углядела широкоплечую фигуру Петьки Жакова.

В тени деревьев, на молодой зеленой травке устроились ребята из нашей университетской группы. Девчонки сидели на расстеленном покрывале, а ребята обретались поблизости, разговаривая о чем-то.

Подойдя к однокурсникам, мы с Мариной поздоровались, и подружка юркнула на свободное место на покрывале. Я осталась стоять, бросив сумку рядом с подружкой.

– Всем привет! — раздался знакомый голос.

Я обернулась на приветствие, но точно знала, кого увижу. Максим Король, или в просторечье Макс. Черные вихры его были аккуратно подстрижены, карие глаза смотрели весело. Он мазнул по мне взглядом и сосредоточился на девчонке из нашей группы, которую звали Анной. Девушка моментально расцвела и принялась глупо хихикать, над словами Жакова. Естественно, это относилось не к истории, рассказываемой Петькой, а к вниманию Макса. Но это все детали, не стоящие внимания. Цена интереса Макса к «слабому полу» – грош.

Знала Короля, кажется, с рождения. Почему так решила? Наверное, из-за того, что не помню ни дня без него. Но на-

ша дружба перестала существовать, когда нам исполнилось по тринадцать. Фактически ее никто не отменял, и мы по-прежнему числились друзьями, хотя на самом деле таковыми не являлись.

Глава 5

Мне повезло родиться в обеспеченной семье. Проживали мы в престижном районе города в пятикомнатной квартире. Этажом выше обитали закадычные друзья родителей — Короли. Так повелось, что еще наши прадеды дружили семьями. Так что, можно считать многолетние отношения дружбой по наследству.

Папа с мамой все свое время посвящали бизнесу, как и родители Максима. Их часто не было дома, и нас воспитывала моя бабушка, Аглая Александровна.

Ни одного дня из моего детства я не припомню без Макса. Не погрешу истиной, если скажу, что Максим практически жил у нас. У него была собственная комната, которая находилась около моей. Мы бесились, играя в догонялки в огромной квартире, или рисовали, сидя в столовой. Вместе ходили в кино, гуляли... Да много чего делали. Вспоминать те дни отратно.

Когда бабушка объявляла о нашем скорейшем укладывании в постель, мы наперегонки бежали в ванную комнату и чистили зубы, пачкая друг друга зубной пастой. Потом я брала расчёску и шествовала в свою комнату, а Макс пристраивался за мной. Он помогал присесть на стул и мягкими, ровными движениями расчёсывал мои волосы. Я в это время о чем-нибудь болтала, развлекая его.

Разбредаясь по комнатам, мы перемигивались, а бабушка делала вид, что не замечала этого. Когда она укладывалась спать и плотно закрывала дверь, Максим перебирался ко мне, залезал в постель. Рядом с ним обретаться тепло и уютно. Так и засыпали в обнимку, наговорившись шепотом о разных детских пустяках. Родители и бабушка сначала пытались нам мешать, но позже смирились.

Максим был мне другом, братом, наперсником в шалостях и в наказании за них. В нашей парочке заводилой всегда оказывалась я, а Максим легко соглашался на все мои задумки.

Потом началась школа. Помню первое сентября и наши с Максом красивые костюмчики, купленные бабушкой. Родители вручили нам одинаковые букеты и отвели на праздничную «линейку». Стоя вместе со всеми ребятами, Макс аккуратно взял меня за руку и шепнул на ухо:

– Ты не бойся, я рядом.

– Я не боюсь.

– Давай сядем за одну парту и станем так сидеть до окончания школы?

– Не вижу препятствий, – по-взрослому бросила я.

Школьные дни потекли рекой, иногда тихой, в другой раз бурной, но, безусловно, интересной. Учились мы хорошо, иногда соревнуясь друг с другом. Мне легко давались точные предметы, а Максиму – гуманитарные. Так продолжалось до тех пор, пока нам не исполнилось по тринадцать. От-

ношения между нами претерпели изменения и покатались по наклонной в тартарары.

Это случилось неожиданно и резко. Погибли мои родители, попали в авиакатастрофу. Я долго оплакивала их. Замянувшись, стала общаться только с бабушкой. Макса я игнорировала, хоть он и пытался до меня достучаться. Родители друга детства отвели меня к психологу. Врача звали Дмитрий Юрьевич, и он оказался очень известным ученым. Сделали они это для очистки совести, или в память об умерших друзьях. Судить не бралась, но тогда мне так казалось.

При первой встрече Дмитрий Юрьевич пообещал выздоровление, и родители друга поверили ему. Но, несмотря на все усилия психолога, положительной динамики не наступало. Максим каждый раз сопровождал меня к врачу и дожидался в коридоре, сидя в мягком кресле.

С момента утраты Макс с упорством осли пытался говорить со мной, а я отгораживалась односложными фразами. Совместные подготовки к урокам продолжались скорее по традиции, нежели по обоюдному желанию. Это обстоятельство определялось психологом как прогресс в состоянии моего здоровья, и чтобы не разочаровывать всех вокруг, я шла на этот компромисс, подыгрывала.

Я прекрасно помнила свое состояние в тот год. Мне казалось, что я погрязла в каком-то болоте обязанностей, общей наигранности и собственной душевной боли. Это был мой личный ад, в котором я медленно плавилась без шан-

са на помилование. Хотелось сбежать куда-нибудь, зарыться, чтобы меня долго искали. Дело не в желании обратить на себя внимание, как раз напротив – чтобы все оставили в покое и не пытались меня спасти. Я вполне могла сама пережить случившееся, без участия близких и друзей. Меня лишили самой себя, заставив заботиться о том, чтобы не огорчить окружение. Наверное, я из тех людей, которые сравнимы с волками – нанесённые раны предпочитала зализывать только самой, отлёживаясь в норе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.